

Сергей Юрьевич Темчин

Суздальская летопись о братоубийстве в Исадах (статья 1217 г.) и проложная статья Вифлеемским младенцам. Святополк Окаянный как иудейский царь Ирод Великий

Цитирование в древнерусских летописях, прежде всего в *Повести временных лет* (далее – ПВЛ), переводных византийских исторических, агиографических и эсхатологических сочинений хорошо известно (их обзор: Данилевский 2019: 142-146). Рассмотрено также влияние на летописи библейских книг (*там же*: 146-179), поставлен вопрос об использовании также собственно литургических (в том числе гимнографических) текстов (Griffin 2019).

Ниже я постараюсь показать, что в своей работе древнерусские летописцы прибегали также к Прологу – паралитургическому календарному сборнику кратких рассказов о святых и праздниках (Фет 1987), переведенному с греческого языка не позже начала XII в. (Темчин 2010) и позже дополненному поучениями общего характера, почерпнутыми из разнообразных церковнославянских источников (Чистякова 2008; 2013; 2016; 2017; 2019).

Суздальская летопись под 1217 годом, в рассказе об убийстве рязанским князем Глебом Владимировичем и его братом Константином родного брата Изяслава и пятерых двоюродных братьев на княжеском съезде в Исадах (Лаврентьевский список: ПСРЛ: 440), содержит краткое упоминание (в качестве исторического прецедента) об убийстве Святополком своих братьев (т.е. Бориса и Глеба), отсылающее к статье 1015 года ПВЛ, но в то же время ориентированное на заключительный фрагмент переводного проложного чтения Вифлеемским младенцам (на 29 декабря). Последнее цитируется ниже (см. ТАБЛИЦУ 1) по изданию Софийского пролога рубежа XII / XIII вв. (Крысько 2010: 552), в скобках приводятся разночтения по Великим минеям четым (ВМЧ: 2439, 2449), более близкие летописному тексту по сравнению с цитируемым списком; соотносимые фрагменты обеих версий выделены.

Как видим, выделенные фрагменты сопоставляемых произведений, различаясь своим языковым выражением, тождественны по смыслу. При этом в двух первых случаях текстовые варианты Великих миней четых оказываются ближе летописному тексту (см. лексическое совпадение существительного в первом случае и глагольные формы 1 л. во втором), чем версия Софийского пролога рубежа XII / XIII вв.

Выявленные соответствия распределены в летописной статье четырьмя дисперсными группами (протяженностью от одного слова до семи), тогда как в пролож-

ТАБЛИЦА 1.

Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, статья 1217 г.	Чтение Вифлеемским младенцам (29 дек.) в Софийском прологе XII/XIII вв. (л. 109)
<p>Глѣвъ кнѧ Рязаньскѣи Володимеричь. наоученъ сотоною на братоубиство. здумавъ в своѣмъ каньнѣмъ помъслѣ. имѣа поспѣшника брата своего Константина и с нѣмъ дьавола. иже ею прельсти своимъ злокозньствомъ. в помъслѣ има вложъ рекшема има яко <i>изъевѣ сѣ</i>. а сами приемѣтъ едина всю власть. а не вѣси ли <i>иканьне Бжѣа строеныа</i>. даѣ бо власть емуже хоцетъ поставляе црѧ и княза взышнии. что бо приа Канинъ ѿ Бѧ оубивъ Авела брата своего. не проклатѣ ли и всужене. и трасеные. или ламехъ не казнь ли злобѣ. или вашь сродникъ Сѣтополкъ. избивъ брѧю. <i>инѣма вѣнець исхода-таиствова</i>. а <i>совѣ вѣчнѣю мукѣ</i>. съ бо Глѣвъ ту же мъсль Сѣтополчно примъ. и скръзю в сѣрци своѣ с братѣ своимъ [...]</p>	<p>(об Ироде) [...] <i>се положивъ на оумѣ</i> <вар.: <i>сѣ положи во свѣ помыслѣ</i>>. яко аще вса дѣти <i>изъевѣ</i> <вар.: <i>извѣ</i>>. всако оумреть хотаи црѣтовати. и не оумыслить на нь. нъ всоуге тродиса <читай: трѣуди са> <i>безоумьнии</i>. не вѣдын яко <i>бѣю свѣтоу</i> <читай: <i>свѣтоу</i>> <i>члкъ споны не можеть створити</i>. тѣмъ <i>инѣмъ оубо исхода-тан црѣво нѣноѣ</i>. <i>сѣвъ же мѣкоу вѣчнѣю</i>.</p>

ной статье они расположены более компактно, но в той же последовательности: 1) в помъслѣ има вложъ ~ вариант сѣ положи во свѣ помыслѣ; 2) изъевѣ ~ вариант извѣ; 3) не вѣси ли иканьне Бжѣа строеныа ~ безоумьнии. не вѣдын яко бѣю свѣтоу <читай: свѣтоу> члкъ споны не можеть створити; 4) инѣма вѣнець исхода-таиствова. а совѣ вѣчнѣю мукѣ ~ инѣмъ оубо исхода-тан црѣво нѣноѣ. сѣвъ же мѣкоу вѣчнѣю.

Как известно, интертекстуальная связь источников бывает более или менее тесной: дословное цитирование (или текстовое заимствование), парафраз и, наконец, аллюзия. Последняя обычно используется в отношении широкоизвестных и потому легко узнаваемых авторитетных текстов (например, Евангелия), но Пролог к ним не относится. С другой стороны, приведенные выше текстовые соответствия не являются также дословным цитированием.

Перед нами фрагментарный, но, как мы увидим, весьма близкий к оригиналу парафраз, непосредственный источник которого вполне узнаваем, несмотря на различие языкового выражения. Из четырех выделенных соответствий три оказываются хотя и не тождественными, но очень похожими по своему языковому выражению.

В первом случае лексическое совпадение существительного (помъслѣ) дополнено разноприставочными однокоренными глаголами (вложить и положить), различие которых практически не влияет на их семантику и обусловлено их неодинаковой актантностью: 'вложить кому' – 'положить себе' (так в данном случае).

Во втором использован одинаковый глагол избити в грамматических формах того же самого (1-го) лица, где различие в числе неизбежно и обусловлено разницей описываемых ситуаций.

В четвертом случае употреблены весьма близкие однокоренные глаголы *исходативовати* и *исходатити* с тождественной лексической семантикой, лишь формально различающиеся в своей суффиксальной части, но стоящие в той же самой форме (аорист 3 л. ед. ч.); при этом именные формы полностью совпадают при различии лишь порядка слов (*сѡбѣ вѣнчую мѹку*), либо лишь грамматического числа (*внѣма* и *внѣмѣ*), что опять же обусловлено различием самих ситуаций. Оставшиеся слова различны (*вѣнецъ* ~ *цѣтво нѣноѹ*), но совпадают в своей прагматике, т.е. по смыслу.

Лишь в третьем случае разница языкового выражения оказывается более значимой, поскольку затрагивает также типы предложения (вопросительное в первом случае и утвердительное во втором). Но даже в этом случае при естественных и уже понятных грамматических различиях наблюдается двойное лексическое совпадение (глагол *вѣдѣти*, прилагательное *божий*), тогда как различия представлены прагматическими синонимами (*вкѡнчѣнии* и *безоумьнии*) и одноприставочными прагматическими антонимами (*сѣстроение* и *сѣпона*), которые в обоих случаях, как известно, характеризуются значительной семантической близостью.

Как видим, здесь везде речь идет не об использовании одинаковых или близких по форме и /или значению отдельных слов (каждое из которых, разумеется, встречается во многих иных произведениях), а именно о текстовой близости, проявляющейся также на словообразовательном и грамматическом уровне, где наблюдаемые различия, во-первых, минимальны, и, во-вторых, неизбежны, поскольку зависят от объективной разницы между описываемыми ситуациями (количества участников). Таким образом, каждое из четырех выделенных соответствий характеризуется значительной формально-языковой близостью.

Наконец, в обоих текстах совпадает также последовательность всех четырех почти полностью изоморфных и прагматически тождественных текстовых фрагментов. Разумеется, что при всех наблюдаемых формально-языковых различиях столь сложное смысловое и структурное совпадение (включая последовательность четырех частей) не может быть случайным, а отражает использование древнерусскими летописцами хронологически более раннего церковнославянского источника (Пролога). Общий объем этих текстовых соответствий составляет полтора десятков слов и потому не может относиться к микроуровню: такого объема достаточно для констатации наличия интертекстуальной связи средней степени близости по шкале: цитирование – парафраз – аллюзия.

Содержательно-прагматическое тождество, а также значительная формально-языковая близость и одинаковая последовательность выделенных соответствий должны быть расценены как результат непосредственной работы с письменным источником, а не по памяти. Разумеется, такой вывод может быть опровергнут в том случае, если кому-нибудь удастся обнаружить третий текст с похожей текстовой структурой,

включая ту же последовательность четырех фрагментов, который, собственно, и будет доказательством случайного характера выявленных текстовых сходжений.

Не дословное цитирование, а именно парафраз был применен для лучшей адаптации переводного источника к изложению древнерусских событий: четыре фрагмента проложной статьи, описывающие одно лицо (Ирода Великого), распределены летописцами на разных персонажей: дьявола (№ 1, 3), рязанского князя Глеба Владимировича и его брата Константина (№ 2) и Святополка Окаянного (№ 4). Это перераспределение не помешало одинаковому переключению на прямую речь персонажей в соответствиях № 2, которая одинаковым образом тут же и завершается.

В летописи явная ссылка на убийство Бориса и Глеба их братом Святополком усилена использованием проложного текста, описывающего избиение вифлеемских младенцев царем Иродом, который является основным в приведенном ряду библейских прототипов (Каин, Ламех, Святополк): неспроста рязанский князь Глеб Владимирович принимает мысль Святополчу (а не Каиноу или Ламехову). Но если сопоставление Святополка с Каином и Ламехом, благодаря своему эксплицитному характеру, хорошо известно исследователям, то выявленная текстовая связь рассмотренного летописного рассказа с проложным чтением Вифлеемским младенцам показывает не только само наличие имплицитной аналогии Святополк ~ Ирод Великий, но и ее приоритет перед всеми остальными (и, следовательно, ее концептуальный характер).

Таким образом, у нас есть два текстологических подтверждения соответствия киевского князя Святополка Владимировича двум разным иудейским царям с одинаковым именем Ирод, которые приходятся друг другу дедом и внуком:

- 1) цитирование эпизода о смерти Ирода Агриппы I (царь в 41-44 гг. н.э.) из Хроники Георгия Амартола при описании гибели Святополка в ПВЛ под 1019 г. (сопоставление текстов: Данилевский 2019: 114-115);
- 2) парафраз проложного текста Вифлеемским младенцам при описании братоубийства в Исадах под 1217 г. Суздальской летописи, предполагающий соответствие Святополка Ироду Великому (царь в 37-4 гг. до н.э.).

Эта ситуация не может не настораживать: какое же из двух соответствий является основным и концептуальным? Хронологическое соотношение летописных источников не может в данном случае играть решающей роли, поскольку в обоих случаях соответствия являются имплицитными: в тексте они не названы, но выявляются историковедческими методами ввиду скрытого цитирования или парафразирования прецедентных текстов.

Займствованный в ПВЛ фрагмент Хроники Георгия Амартола написан таким образом, что, относясь по сути к Ироду Агриппе, вполне мог ассоциироваться с Иродом Великим: в начале рассказа о болезни первого сразу же упоминается аналогичная смерть второго (его деда, названного в Хронике отцом), после чего непосредственно следует займствованный в ПВЛ пассаж. При этом нет необходимости предполагать

путаницу одноименных персонажей: поскольку сама Хроника Георгия Амартола проводит аналогию между кончиной обоих царей (которых считает отцом и сыном, а не дедом и внуком), то заимствованный фрагмент повествования об Ироде Агриппе можно отнести также к его деду.

По двум причинам следует считать концептуальным сравнение Святополка Окаянного именно с Иродом Великим.

Во-первых, фрагмент Хроники Георгия Амартола в ПВЛ может, как мы видели, соотноситься со смертью обоих Иродов, тогда как проложное чтение, использованное в Суздальской летописи, однозначно имеет в виду Ирода Великого (хотя описанное в Евангелии от Матфея избиение вифлеемских младенцев является легендой).

Во-вторых, более важно то, что древнерусский культ свв. Бориса и Глеба основан на агиографическом образе Вифлеемских младенцев (обычно почитаются 29 декабря), избивенных Иродом Великим в поисках родившегося Иисуса Христа с целью заранее обезопасить себя от потенциального претендента на царский престол (Темчин 2012). Основанием для этого вывода послужили:

- а) дословная цитата из церковнославянского перевода Гомилии Иоанна Златоуста (Прокла Константинопольского) о Ироде и о младенцах в анонимном *Сказании о Борисе и Глебе*: *Се нѣсть увѣство, нъ сырорѣзаніе*;
- б) наличие 13 смысловых схождений агиографического образа Бориса и Глеба с агиографическим образом Вифлеемских младенцев в посвященных им византийских гомилиях, лишь два из которых являются часто употребляемыми топосами.

Приведенный выше парафраз проложного чтения Вифлеемским младенцам в летописной статье 1217 года Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку наглядно показывает, что концептуальная модель борисоглебского культа (Борис и Глеб как Вифлеемские младенцы, а Святополк Окаянный как Ирод Великий), имплицитно заложенная на раннем этапе развития древнерусской литературы, хорошо опознавалась и далее развивалась древнерусскими книжниками XIII в. с использованием соответствующих прецедентных текстов.

Сокращения

- ВМЧ: *Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием, XIII/2. Декабрь, дни 25-31, Москва 1912.*
- ПСРА: *Полное собрание русских летописей, I. Лаврентьевская летопись, 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, Ленинград 1927².*

Литература

- Данилевский 2019: И.Н. Данилевский, *Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет*, Санкт-Петербург 2019².
- Крысько 2010: В.Б. Крысько (ред.), *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль, I. Текст и комментарии*, Москва 2010.
- Темчин 2010: С.Ю. Темчин, *Почему древнеславянский календарный сборник кратких житий был назван Прологом (об одном палеославистическом недоразумении)*, в: Он же, *Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике*, Kraków 2010 (= Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim, 5), с. 203-231.
- Темчин 2012: С.Ю. Темчин, *“СЕ НЕСТЬ УБИЙСТВО, НО СЫРОРЕЗАНИЕ”*: Агиографический образ Вифлеемских младенцев как концептуальная основа борисоглебского культа, в: Ф.Б. Успенский (ред.), *Именослов: История языка. История культуры*, Москва 2012 (= Труды Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН, 2), с. 216-230.
- Фет 1987: Е.А. Фет, *Пролог*, в: Д.С. Лихачев (ред.), *Словарь книжников и книжности Древней Руси, I. XI-первая половина XIV в.*, Ленинград 1987, с. 376-381.
- Чистякова 2008: М.В. Чистякова, *Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь-ноябрь*, Вильнюс 2008.
- Чистякова 2013: М.В. Чистякова, *Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов, I. Сентябрь*, Вильнюс 2013.
- Чистякова 2016: М.В. Чистякова, *Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов, II. Октябрь*, Вильнюс 2016.
- Чистякова 2017: М.В. Чистякова, *Рукописные прологи Великого княжества Литовского и Польского королевства*, Kraków 2017 (= Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim, 13).
- Чистякова 2019: М.В. Чистякова, *Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов, III. Ноябрь*, Вильнюс 2019.
- Griffin 2019: S. Griffin, *The Liturgical Past in Byzantium and Early Rus*, Cambridge 2019 (= Cambridge Studies in Medieval Life and Thought Fourth Series, 112).

Abstract

Sergejus Temčinas

The Synaxarion Entry for the Holy Innocents as a Probable Source for the Narrative of the Chronicle of Suzdal on the Fratricide in Isady (1217): Sviatopolk the Cursed as Herod the Great

The author argues that in addition to biblical, historical, hagiographic, eschatological, and liturgical texts, the anonymous chroniclers of Kievan Rus also made use of the OCS *Synaxarion* (Prologue) translated from Greek in early 12th century at the latest. This can be seen in the *Chronicle of Suzdal* (Laurentian Codex) under the year of 1217 where the princely convention in Isady is described. During the event, six early Rus princes were murdered by order of their brothers and cousins, Gleb Vladimirovich of Ryazan and his brother Konstantin. While describing the murder, the chronicle names as historical precedent the Kievan prince Sviatopolk I who had murdered his brothers Boris and Gleb (1015) and makes a fragmentary but clear paraphrase of the *Synaxarion* passage on the Holy Innocents (29 December), which describes their slaughter by order of Herod the Great. Besides this implicit parallel which is not claimed in the text, but can be seen through its textual sources, there is another passage which juxtaposes Sviatopolk I of Kiev with Herod Agrippa I. This is present in the *Primary Chronicle* under the year of 1019 where Sviatopolk's death is described using a textual fragment of the *Brief Chronicle* (*Chronikon syntomon*) by George Hamartolos about Herod Agrippa's death. From the two parallels associating Sviatopolk with two different Herods, his comparison with Herod the Great should be viewed as the primary one, despite its reflection in a chronologically later source. The main reason for this is its compatibility with another implicit parallel identified in the anonymous *Life of Boris and Gleb* where a verbatim citation from the homily on Herod and the Holy Innocents by John Chrysostom (Proclus of Constantinople) is used. Here Boris and Gleb are implicitly juxtaposed with the Holy Innocents which requires an analogy between their murderers Sviatopolk and Herod the Great respectively.

Keywords

Kievan Rus Literature; Primary Chronicle; Chronicle of Suzdal; Laurentian Codex; Synaxarion; Holy Innocents; Herod the Great; Herod Agrippa; Boris and Gleb; Sviatopolk I of Kiev; Gleb Vladimirovič of Rjazan'.